

УДК 821.161.1-312.7"19"

**ОППОЗИЦИЯ ВЫМЫШЛЕННОСТЬ VS. ПОДЛИННОСТЬ
В ЭПИСТОЛЯРНОМ РОМАНЕ
(«ПРОСТРАНСТВО ГОТЛИБА» ДМ. ЛИПСКЕРОВА)**

Т. А. Орлова

Тверской государственной университет
кафедра теории литературы

В статье рассматривается реализация оппозиции *вымышленность vs. подлинность* в романе Дм. Липскерова «Пространство Готлиба». Метафора «пространство Готлиба» оказывается ключевой для понимания пространственно-временной организации постмодернистского текста.

Ключевые слова: жанр, эпистолярный роман, вымышленность, подлинность, постмодернизм.

Эпистолярный роман – далеко не самый популярный жанр современной литературы, и это можно объяснить кризисом бытового эпистолярия, генетически связанным с эпистолярной формой.

В работе «Проблема речевых жанров» [1] М. М. Бахтин указывает на особый характер письма и переписки в художественных эпистолярных текстах, отмечая двойственность письма как *первичного речевого жанра*, которое используется в бытовом общении, и как *вторичного речевого жанра* в составе художественного произведения. Эта оппозиция поддерживается еще одной оппозицией *вымышленность vs. подлинность*, которая оказывается чрезвычайно значимой для эпистолярного романа во многом благодаря связи с первичным жанром.

Одной из особенностей поэтики эпистолярного романа является принципиально иное участие повествователя в формировании художественного мира. Автор в эпистолярном романе скрывается, как правило, под маской издателя переписки. Например, расположение составляющих роман писем (как правило, в хронологической последовательности), их нумерация воспринимается именно как результат деятельности издателя.

Самый распространенный в эпистолярном романе способ манифестации авторской точки зрения – это предисловие/послесловие, написанные от лица издателя. В исследовательской литературе выделяются два типа таких предисловий/послесловий, соответствующим различным позициям «публикатора». В предисловии/послесловии первого типа издатель сообщает некоторые сведения об участниках переписки, причины, в силу которых стала возможной публикация писем (например, «Переписка» И. С. Тургенева). Во втором типе нарочито подчеркивается условный характер переписки [2].

Исходя из этих двух типов предисловий/послесловий, исследователи выделяют и два типа эпистолярного романа. В романах первого типа создается эффект подлинности, документальности, во второй тип включают произведения, создатели которых подчеркивают вымышленный характер публикуемой переписки.

Роман Дмитрия Липскерова «Пространство Готлиба» (2002) на первый взгляд тяготеет к первому типу.

Роман начинается с письма прикованной к креслу-каталке Анны Веллер товарищу по несчастью – случайному знакомому Евгению Молокану. Далее разворачивается довольно длительная переписка со множеством сюжетных ходов, и в конце созданный автором мир рушится, подорванный последним письмом к Анне. При этом предисловие издателя отсутствует: мы не знаем, как попали к публикатору письма Анны и Евгения, неизвестно и то, кто их опубликовал (всего в романе двадцать два письма, каждое из которых пронумеровано). Однако имплицитно фигура издателя в данном тексте присутствует.

Во-первых, письма пронумерованы; во-вторых, сами письма предваряются эпитафией – «Все в твоих руках». К тому же «переписка» озаглавлена («Пространство Готлиба»). При этом на протяжении первых трехсот страниц имя Готлиба даже не упоминается и появляется в письме Анны в связи с телепередачей, в которой «рассказывалось о некоем гипотетическом сосуде, существующем лишь теоретически, который в нутре своем объединяет все временные и пространственные измерения. Если в него пометить какой-либо предмет, тот будет находиться одновременно во всех измерениях. Этот сосуд придумал человек по фамилии Готлиб» [3, с. 333]. Анна добавляет, что этой же программе в доказательство существования параллельных миров показали кусочек металла, который оказался двумя пулями, столкнувшимися в одной точке. Одна из них была отлита сто пятьдесят лет назад. В конце того же письма героиня восклицает: «Уж я бы хотела иметь такой талисман и носить его на шее, как символ другой жизни и другого измерения, в котором моя душа присвоится каким-нибудь жучком наподобие Вашего *Hiprotomus*'а» [3, с. 349]. Последнюю фразу комментирует Евгений в ответном письме: «Пусть наша любовь будет помещена в сосуд Готлиба и распространяется во все параллельные миры, заполняя их просторы своим мускатным запахом!..» [3, с. 350].

Однако в романе разворачивается не единственная любовная линия: все истории, включенные в роман, повествуют о любви, которая ищет соединения любящих, но не может его достичь. И это отсутствие встречи героев также является важным сюжетообразующим элементом: именно дистантность определяет потребность главных персонажей в создании писем.

Анна и Евгений познакомились в санатории и, пообщавшись короткое время, обменялись адресами, чтобы продолжить знакомство. Анна уезжает в поселок Шавыринский, Евгений возвращается в Москву. На первый взгляд, кажется странным, что они не могут более встретиться. Герои ездят по городу, посещают больницы и библиотеки, не могут они и позвонить друг другу (хотя каждый из героев вполне успешно общается в романе по телефону). Не могут просто в силу того, что являются героями эпистолярного романа и должны

писать письма. Причем отчаянно-безнадежная любовь является лишь центральным, но не единственным мотивом, соединяющим различные истории воедино. Пространство Готлиба – это и паутина переплетений времен и пространств.

Поселившийся в руке у героя жук *Niprotomus* рассказывает о своей прошлой жизни: жизни незаконного наследника российского престола Аджиба Сандала. На состязаниях по стрельбе из лука он получил первый приз – стрелу с золотым наконечником. Участвуя в войне с немцами, Аджип подвергается нападению свирепых псов и отстреливается из лука. Случайно он выхватывает призовую стрелу, пускает ее в питбуля. И вот тут совершенно разные миры пересекаются в золотом наконечнике стрелы: призовой наконечник Аджип Сандала врачи извлекли из позвоночника Евгения, которого ранил этой стрелой самурай во время войны с японцами. Именно из-за этой стрелы Евгений потерял подвижность.

Совмещение времен определяет множественность толкований главного героя. Увидев свой наконечник, жук воскликнул: «Значит, это я вас тогда, как собаку! Через пространства и измерения!.. Ха-ха!.. Бывает же такое!..» [3, с. 388] – за что едва не был уничтожен Евгением. Сам Евгений несколько позже понимает, «что в прошлой жизни был собакой. Питбулем с крысиной мордой» [3, с. 191].

Подчеркнем, что отождествление Евгения с собакой из иного измерения – это, с одной стороны, опредмечивание метафоры: мир, о котором рассказывает Евгению жук, – это мир бесконечной цепи перерождений души, которая воплощается в человека, животное, насекомое... Соответственно, питбуль может рассматриваться как прошлое воплощение Евгения в ином мире (так, престолонаследник Аджип Сандал родился вновь в теле жука *Niprotomusa*). С другой стороны, под «прошлой жизнью» может пониматься период до травмы, когда Молокан был жестким, беспощадным, не сомневающимся ни в чем убийцей. В этой логике высказывание Евгения может быть понято как собственно метафора, с помощью которой герой переосмысливает свою предыдущую (до инвалидности) жизнь.

При этом словосочетание «пространство Готлиба» является также маркером пространства в романе. История поселившегося в руке Евгения Молокана жука – сына русского императора в предыдущем воплощении – говорит о реальности параллельных миров в художественном мире Липскерова.

Но после прочтения романа могут возникнуть иные смысловые связи. Пространство Готлиба может быть рассмотрено как паутина иллюзорных реальностей, которую загадочный Готлиб сплел вокруг Анны: в последнем письме, подписанном фамилией Готлиб, вся переписка разоблачается как мистификация.

Таким образом, отсутствие предисловия не позволяет остановиться на единственной «реальности» романа, порождая неограниченное количество интерпретаций. А сам роман оказывается структурно уподоблен пространству Готлиба, причем Готлибом оказывается автор, мистифицирующий уже не доверчивую Анну, а читателя.

Итак, оппозиции *вымышленность vs. подлинность* оказывается в «Пространстве Готлиба» весьма значимой, однако ее реализация не вполне традиционна. Повышается значение элементов, которые часто не являются важными для данной оппозиции (заголовочный комплекс и нумерация писем). Заглавие задает «горизонт ожидания», который «заполняется» сравнительно поздно, а кроме того, и заглавие, и эпиграф провоцируют взаимоисключающие интерпретации, иллюстрируя главный конфликт постмодернистского сознания с действительностью. Именно невозможность конечной, единственно верной интерпретации, отражает одну из главных категорий постмодернизма – эпистемологическую неуверенность.

Таким образом, Дм. Липскеров не деформирует традиционный жанр, но реализует тот потенциал, который присущ типу коммуникации, лежащему в основе данного романа.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров [Текст] / М. М. Бахтин. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1986. – С. 428–472.
2. Рогинская, О. Авторские предисловия в эпистолярном романе: к вопросу о формировании поля интимности в автодокументальных текстах [Текст] / О. О. Рогинская // Wiener Slawistischer Almanach – 2005 –Vol. 62. – P. 113–122.
3. Липскеров, Дм. М. Пространство Готлиба [Текст] // Дм. М. Липскеров. – М. : Эксмо-Пресс, 2002. – 416 с.

THE OPPOSITION OF FICTIONALITY AND AUTHENTICITY IN THE EPISTOLARY NOVEL (Dm. LIPSKEROV'S "THE GOTTLIEB SPACE")

T. A. Orlova

Tver State University
The Department of theory of literature

The paper discusses the opposition of fictionality and authenticity in Dmitri Lipskerov's novel "The Gottlieb Space". The "Gottlieb Space" metaphor turns out to be the key to the spatial and temporal organization of the postmodernist text.

Key words: *genre, epistolary novel, fictionality, authenticity, postmodernism*

Об авторе:

ОРЛОВА Татьяна Александровна – ассистент кафедры теории литературы Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желаябова, 33), e-mail: kostiginatanya@mail.ru